

В. В. Емельянов

«РАЗГОВОР ОТЦА С СЫНОМ» — НОВЫЙ ПАМЯТНИК ВАВИЛОНСКОЙ ЭТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Аннотация: В статье рассматривается недавно опубликованный старовавилонский разговор отца с сыном. Текст составлен на аккадском языке и записан на глиняной призме в начале 2 тыс. до н.э. в Ларсе. Он уникален тем, что нарушает канон сразу несколько литературных жанров — поучений, прений и школьных бесед отца и сына. В нем также содержится формула проклятия, сходная с соответствующими формулами царских надписей. Из него мы также узнаем о том, что эпос Этаны закончился безрезультатно: в результате полета на Небо он не получил желанного наследника. Текст диалога можно назвать одной из ранних попыток теодицеи. В нем содержится этический постулат обязательности любви сына к отцу. Отец, занимавший высокий пост при дворе только что умершего царя, обвиняет сына в непочтительности. Сын в ответ говорит, что удачливость лучше мудрости, и что при новом царе он добьется положения, которое позволит ему забыть про своего отца. В отместку отец проклинает сына. В статье дан первый комментированный перевод текста на русский язык.

Ключевые слова: Вавилон, религиозная этика, диалог отца и сына, проклятие.

Vladimir V. Emelianov

“A Conversation Between a Father and a Son” — a New Monument of Babylonian Ethical Thought

Abstract: The article examines a recently published Old Babylonian conversation between a father and his son. The text was written in Akkadian on a clay prism in the early 2nd millennium BC in Larsa. It is unique in that it violates the canon of several literary genres at once — sermons, debates, and school talks between father and son. It also contains a curse formula similar to the corresponding formulas of royal inscriptions. From it we also learn that Etana's epic

ended in vain: as a result of his flight to Heaven, he did not receive the desired heir. The text of the dialogue can be called one of the early attempts at theodicy. It contains an ethical postulate of the obligatory love of a son for his father. The father, who occupied a high position at the court of the recently deceased king, accuses his son of disrespect. The son responds that luck is better than wisdom, and that under the new king he will achieve a position that will allow him to forget about his father. In revenge, the father curses his son. The article provides the first commented translation of the text into Russian.

Keywords: Babylon, religious ethics, dialogue between father and son, curse.

Вавилонская религиозно-этическая мысль известна нам по таким литературным произведениям, как «Невинный Страдалец», «Вавилонская Теодицея», «Разговор господина с рабом», «Семеро против Нарам-Суэна». Эти произведения являются диалогами, имеют поэтическую форму и написаны в эпохи общественно-политических кризисов. Их основной идеей является теодицея, т. е. оправдание божества. Теодицея необходима религиозному сознанию для того, чтобы разъяснить, почему, несмотря на существование зла в мире, следует продолжать благочестиво приносить жертвы и молиться богам. Для теодицей характерны два действующих лица — традиционалист и скептик, личный бог и скептик, царь и его бог. Одно из лиц занимает позицию вопрошающего, другое же отвечает на его вопросы. Возможны два исхода этих диалогов: 1) ответчик убеждает вопрошающего в том, что личное благочестие выгодно для него в долговременной перспективе, поскольку хранит от божьего суда и наказания; 2) ответчик убеждает вопрошающего в том, что все в долговременной перспективе или вредно, или бессмысленно, и потому жизнь в целом лишена смысла.

Поскольку тексты жанра теодицеи относятся к числу диалогических, то они подчиняются жанровым канонам литературы. История диалогических текстов древней Месопотамии в настоящее время не имеет отдельного исследования и изучена слабо, поскольку они постоянно сравниваются с античными [1] или ближневосточными [2] диалогами, а их собственной специфике уделяется мало внимания. Можно предложить их предварительную

классификацию. Диалогичность делится на внешнюю (спор, поединок, согласие двух человек) и внутреннюю (разговор человека с самим собой). Говоря о внешней диалогичности, мы можем различать следующие ситуации взаимодействия героев: 1) обращение одного человека к другому, равному ему, без предоставления другой стороне права на ответ; 2) дистанционное общение равных героев через гонцов; 3) прямое общение героев, когда возможны ситуации: а) перебранки равных, б) диспута и поединка равных, в) только диспута равных, г) диалога старшего и младшего, д) постоянного согласия друг с другом господина и раба. Результатами таких ситуаций являются тексты определенных жанров. Первоначально это поучения, школьные споры и прения о превосходстве. И только затем на стыке этих жанров образуется жанр теодицеи.

Нам пока ни разу не удавалось рассмотреть ситуацию, когда бы текст диалога сознательно нарушал жанровые каноны, превращаясь в эстетическую новацию, и сочетал бы в себе элементы всех перечисленных диалогических жанров. Такую возможность предоставляет нам недавно опубликованный старовавилонский текст, условно названный издателями «Разговор Отца с Сыном». Он происходит из Ларсы и записан примерно в XIX в. до н.э. курсивным письмом. Имеется копия текста на глиняной табличке VM 79111+VM 80065 [3]. Однако основная часть произведения дошла на глиняной призме YBC 2394, хранящейся в собрании Йельского музея [4]. Комментарии к отдельным строкам текста позднее предложены в отдельной публикации [5]¹. Некоторые термины и детали текста указывают на его связь с городом Мари. Но в самом тексте упомянут только древний город Аккад.

У текста два героя. Отца зовут *Пут-Иштар* «Лоб Иштар», он хмурый и гневный как эта богиня, и всегда готов к ругани. При этом он называет себя мудрецом Атрахасисом. Сына зовут *Манну-утарриссу* «Кто сделал его процветающим?»² Ответ: никто,

---

¹ См. также электронное издание партитуры текста по обоим источникам <https://seal.huji.ac.il/node/1738> (дата обращения: 04.02.2025).

² Таков перевод Б. Фостера и Э. Джорджа [4, р. 38]. М. Штрек и Н. Вас-

он вырос без отцовской любви. Сын называет Отца только уменьшительным именем *Путти*, что нехарактерно для общения младшего со старшим³.

Читателю предлагается первый перевод с аккадского языка на русский по изданию [4] с учетом комментариев в [5].

I

[Пут-Иштар дал наставления своему сыну:]

«[Сын мой, я тебя научу!]

Прислушайся к [моим советам]!

[Не говори] посреди ур[ока]:

⁵«Дескать, я лучший!»⁴

б пустая

Его сын ответил ему:

«Путти, мудрость — это ссылка

И забвение⁵, она не так дорога

серман, однако, понимают его как *Mannu(m)-utār-issu* «Кто может отбить его руку?» [5, p. 221].

³ Однако интересно наблюдение М. Штрека и Н. Вассермана, заметивших при издании глиняной таблички, что PU.UT.TI можно прочесть как GID₂.UD.TI, то есть, по-аккадски *Arik-ūm-balāṭim* «Продливший дни жизни», что намекает на шумерское имя Zi-*u*₄-*sud-ra*₂ «жизнь (на) долгие дни» [3, p. 45]. Зиусудра — царь Шуруппака, спасенный богами от потопа. Вавилонским эквивалентом Зиусудры был Атрахасис (Ватар-хасис), а этим именем как раз и называет себя Пут-Иштар.

⁴ По-видимому, смысл таков: «Не хвались посреди урока, потому что до конца урока еще далеко, и твой учитель, и твои товарищи могут посрамить тебя». Сын еще не достиг старости, поэтому не имеет права хвалиться жизненным успехом.

⁵ *apkallūtum* (NUN.ME) [†]*lu-tum!*⁷ *ša-lu-tum* [†]*u*₃ *mi-ši-tum* дословно «статус абгалья — отдаление и забвение». Фостер и Джордж объясняют это так: «Сын говорит, что быть мудрецом означает, что ты пленник прошлого и обречен быть забытым в будущем, поэтому бог мудрости ценит это меньше, чем иметь хорошего духа-защитника» [4, p. 50]. Внимательно читавший эту статью В. Ю. Шелестин предлагает сходный вариант интерпретации строки: «Слово *mi-ši-tum* можно интерпретировать как *mišītu(m)* ‘забвение’ (как это делают все исследователи) или как *mišītu(m)* ‘смятение’, но первое засвидетельствовано только в новоассирийских текстах, тогда как второе встречается в старовавилонских памятниках, сти-

¹⁰Нудиммуду как *ламассу*⁶.

Какими бы мо[гучими ни были] искусство певца, мудрость, разум, —
Что еще нужно человеку, который имеет *шеду*⁷?

Неужели это так важно для тебя,

[(Что) ты встре]вожился, (глядя) на мое богатство и удачу?⁸

¹⁵У двери того, кто имеет *шеду*,

Мудрец становится на колени.

[По] приказанию Энлиля, на празднике *акиту*

[. . .] проходят мимо.

[(Если) человек яг]нят приносит,

²⁰Его бог [уже доволен]»⁹.

Отец ответил ему:

«Что касается того, чего в вашей юности

Ты и твой царь

листически близких исследуемому тексту. Слово *ša-lu-tum* все исследователи интерпретируют как *šallūtu(m)* ‘плен’, тогда как значение ‘отдалять’ для базового глагола *šalālu(m)* засвидетельствовано только в отношении распределяемых из централизованных хранилищ ресурсов — зерна, муки и солода, ср. CAD, Š/1: 201b. Поэтому более вероятно, что в этом пассаже мудрец — пленник груза знаний, с которыми не может разобраться самостоятельно, без божьей помощи» (письмо от 12.02.2025). М. Штрек и Н. Вассерман переводят «О [P]utti, being a sage is captivity and plunder», выводя *mi-ši-tum* из *mašā’u* «грабить» [5, p. 220]. Однако с таким толкованием трудно согласиться. Я думаю, что здесь иной смысл: прежний консультант царя уходит в отставку и быстро забывается, поскольку у нового царя свои советники. Абгаль — жрец шаманского типа, консультант царя.

⁶ *Ламассу* — дух-защитник человека. Здесь провозглашается оппозиция мудрости и удачи. Мудрец не может ничего без помощи бога. А удачливый дорог даже богу мудрости Энки, потому что идущее от богов дороже полученного без них. В аккадском тексте употреблен эпитет шумерского бога Энки Nudimmud (точное значение неизвестно), хотя в старовавилонское время этого бога давно называли аккадским именем Эа.

⁷ *Шеду* — также дух-защитник человека.

⁸ Сын обвиняет Отца в зависти к его удаче. Этим словом я перевожу здесь аккад. *lamassu*.

⁹ По-видимому, находящийся под защитой бога может приносить меньше жертв на Новый год. Даже если он принесет только маленьких ягнят, его бог будет доволен. Возможно, он вообще может нести жертвы только раз в год на *акиту*, а в остальные дни проходить мимо.

Достигли в прошлом¹⁰,
²⁵Под сенью моего господина¹¹
 Ты ходил, под прекрасной защитой.
 Теперь струнный инструмент отложен,
 Победная песня затихла,
 Восторги прекратились,
³⁰Праздник закончился,
 Дни прошли,
 Годы подошли к концу.
 Соберись, приготовься
 К страданиям.
³⁵А щедрая рука
 Снова спряталась в мощну¹².
 Зло ее истребило,
 Удалило радость¹³.
 Твой господин растратит имущество,
⁴⁰Которое отец ему оставил,
 А то, что я накопил,
 Ты растратишь¹⁴.

¹⁰ Шаркалишарри и Манну-утаррису — ровесники.

¹¹ Под сенью Нарам-Суэна, обожествленного царя.

¹² То есть, больше нет божественного царя, и новый царь не сможет тебя уберечь от зла, поскольку он не бог. Буквально «Рука дающая спряталась в лоно (*sūnu*) свое». В текстах из Мари есть упоминания о плаще с внутренним карманом в области паха, куда клали кошелек [4, р. 51].

¹³ *u₃ lum-ni iḫ-ta-li-iq ḫa-du-u₂ ud-da-ar-pi-i[r]* дословно «и зло исчезло, радость насытилась». Но можно перевести и будущим временем, поскольку речь может идти о пророчестве: «зло исчезнет, радость насытится». Однако контекст непонятен. Издатели Фостер и Джордж пишут: «Отец, кажется, цитирует два высказывания: одно о том, что рука изобилия была отведена, другое о том, что нужен счастливый человек, чтобы изгнать зло, подразумевая, что сын не такой человек» [4, р. 50]. Штрек и Вассерман понимают эту строку как продолжение пассажа про исчезновение щедрости: «and evil made (the generous hand) disappear, happiness was driven out» [5, р. 220].

¹⁴ После этой строки на глиняной табличке идет не вполне понятный текст: [^mP]U-UT-TI ki-ma e-pe₂-er gi-gu-un-ne-em! {IM!} [(x)] / a-di ša-ar-[ma³] SA₂.DUG₄ šu-ut i-na še₂₀-er-[te]-e[n²] / ḫu-ṣu₂-ub uz-nam ša la la-ma-as-s[i₂-im] /

Его сын ответил ему:

«Путти, разве ты не видел

⁴⁵Половодья, идущего из реки?

Шесть раз оно поднималось, семь раз опускалось.

Голод, жажда, истощение

И нужда

Сроднились¹⁵ с людьми

⁵⁰И живут издревле.

Старый тростник в заросли

Упадет,

Как и молодой побег

Проживет до своего часа¹⁶.

⁵⁵Путти, как до нас

Людам открылись божественные планы?

Ты сведущ в обрядах богов,

Ты слышал то, что было тайным.

Сказано-де устами Эллиля:

⁶⁰«Да возлюбит отец сына!».

Почему не определено было:

«Да возлюбит сын отца?»

И если в хорошие времена отец не защитил [своего] сына,

Должен ли (сын) защищать отца во время бедствий?»¹⁷

ḥi-ṣu₂-ub tu-du-ta-a-am ša la i-na-aṭ-ṭa-lu ṣ[e₂-r]u¹⁵-ši «О Путти, чтобы обеспечить храм регулярными подношениями, те, что по утрам, существуют вечно (?). Тот лишен мудрости, кто без ламассу. Тот лишен знания, на кого он (ламассу) не смотрит» (I 2–5) [3, p. 42].

¹⁵ Дословно «смешались».

¹⁶ То есть, все имеет естественный конец — и хорошее, и плохое. Конец приходит и половодью, и имуществу. Поэтому тезис Пут-Иштара о приходе плохих времен не имеет смысла. Они тоже будут иметь конец.

¹⁷ Комментарий Фостера и Джорджа: «Если отец такой великий мудрец, знающий скрытые вещи, может ли он объяснить, почему предписано, что отцы должны любить сыновей, но не предписано, что сыны должны любить отцов? Если отцы не заботятся о своих сыновьях в хорошие времена, почему сыновья должны заботиться о своих отцах в плохие времена?» [4, p. 50].

II

⁵Отец его ответил ему:

«Манну-утарриссу,

О чем мне теперь тебя попросить -

О еде, о елее, об одежде?

Можно подумать, что с твоего младенчества

¹⁰Тебя гнали, о тебе не заботились,

Ты был забыт в моем сердце!»

Его сын ответил ему:

«Путти, тот, кто с человечеством, смертен,

Тот, кто с богом, живет вечно¹⁸,

¹⁵А о сыне, который в отцовском доме

Был ущемлен, позаботится царь»¹⁹.

Отец ответил ему:

«Манну-утарриссу,

Я знаю про сыновей больше тебя,

²⁰И про приятный труд, и про долг

Я помню²⁰.

Бог даровал в предназначении

Наследника, чтоб не пропало семя.

Ты сам знаешь: сын

²⁵Превыше детей (и) жены

Отца своего уважать должен.

Из сыновей, будь их пять, шесть, семь или восемь,

Кто (из богов) мог бы подарить мужчине

---

¹⁸ Штрек и Вассерман переводят: «The one who is dead for (lit. with) the people is alive forever under (the auspices of) god» [5, p. 221]. Однако получается слишком анахронично, потому что умерший для людей это монах.

¹⁹ Здесь идет сравнение: человечество-отцовский дом, бог-царь. То есть, существуют два уровня заботы — отцовская и царская. И они соответствуют двум уровням отношений — с людьми и с богом.

²⁰ Видимо, речь о том, что отец раньше сына узнал, как производить на свет сыновей и заботиться о них.

(хотя бы одного) послушного ребенка?»²¹

³⁰Его сын ответил ему:

«Путти, каков путь 70-гуровой баржи,

Терпящей бедствие

Без руля?»²²

Видишь ли, на человека, у которого нет сына,

³⁵Его брат свысока смотрит»²³.

Отец ответил ему:

«Манну-утар,

Этана, будучи царем, своего брата

Был ниже, не мог с ним сравниться.»²⁴

⁴⁰[(Если) твой сын?] — глиняный черепок, (то) у того, кто подобран

на улице,

Нет бога»²⁵.

---

²¹ Комментарий Фостера и Джорджа: «Отец говорит, что даже если его сын равнодушен к тому, что подразумевает его статус, он как отец знает, в чем его долг. Сыновья необходимы для продолжения семьи, и сын должен уважать своего отца так же, как и своих близких. Можно иметь много сыновей, но считать себя счастливым, если хотя бы один из них будет послушным» [4, р. 50]. Штрек и Вассерман видят здесь отсылку к XII таблице эпоса о Гильгамеше (102–116), где сказано о том, что имеющий семерых детей будет блаженствовать в Подземном мире [5, р. 222]. С этим вряд ли можно согласиться, поскольку контекст совершенно другой.

²² Без детей погибнет даже совершенное хозяйство.

²³ То есть, детей заводят вынужденно, чтобы родственники считали тебя полноценным.

²⁴ *E-ta-na ana šar-ri a-ḫi-šu imṭi'am lā maš'am* Штрек и Вассерман переводят: «Etana, with respect to the (other) kings, his brothers, was less, was not equal» [5, р. 222]. Судя по этому переводу, они считают, что здесь братьями Этаны названы вообще все цари прошлого.

²⁵ Первые два знака реконструированы Фостером и Джорджем ненадежно: [DUMU²-k]a. По-видимому, глиняный черепок, подобранный на улице, — усыновленный ребенок. У него нет защиты, нет удачи, потому что неизвестен бог, именем которого он был назван при рождении. Возможно, это намек на то, что один из сыновей Манну-утаррису — приемный. Однако Штрек и Вассерман восстанавливают и переводят иначе: [LUGAL²-k] a ḫašbu ša ina sūqim dili ilqū ilam [u]l irši «Your k[ing] is a potsherd. He who took a single (child) from the street, did [no]t obtain luck» [5, р. 222]. Тогда это

Его сын ответил ему:
«Путти, ты знаешь,
Что Этана в поисках ребенка
⁴⁵Бродил по нагорьям,
Как птица, к собранию богов
Он вознесся на [Небо].
Человеческий удел²⁶ они ему определили,
К нему боги не приближались,
⁵⁰Ребенка ему не даровали
Среди судеб».

Отец ответил ему:
«Манну-утар,
Ты заботишься о своей плоти²⁷
⁵⁵Так, как мне недоступно,
Но на то, что ты в старости моей
не замечаешь, ты сам пожалуешься».

Его сын ответил ему:
«Зачем, Путти,
⁶⁰Ты говорил мне,
С тех пор, как я был у тебя ребенком,
Что я не сын?»
Его отец [ответил ему]:

Дальше разбиты 2 или 3 строки

III

¹⁰Его сын [ответил ему]:
«Путти, по правде (говоря),

намек на незаконное происхождение Шаркалишарри. Однако такое толкование сомнительно. Из надписей Шаркалишарри всюду следует, что он законный сын Нарам-Суэна.

²⁶ Фостер и Джордж: [*a-na a-wi-l]u-tim iš-ku-nu-ni-iš-[š]u*] «They ordained for him the lot of mankind» [4, p. 43]. Штрек и Вассерман: [*a-na SIP]A-tim iškunūniš[š]u*] «They (the gods) appointed [him (Etana)] for [shepher]dship» [5, p. 222]. Думаю, что правы первые издатели: человеческая участь — быть смертным. Взлетев в Небо, Этана не стал вследствие этого богом.

²⁷ Здесь слово *ragru* «труп, туша». Имеется в виду брненное тело.

Ничтожный размножился и...

Тот, [кто был важен], уменьшился,

Незначительный важным стал»²⁸.

¹⁵ Отец ответил ему:

«Манну-утар,

По поводу тебя царь повеление отдал,

А бог тебя важным сделал.

Кто, как не ты,

²⁰ Отца своего оскорбляет, сильно его [унижает]?»

Его сын ответил ему:

«Путти, глух тот, кто имеет *шеду*,

Слеп тот, кого хранит [*ламассу*],

А тот, кого ценит царь,

²⁵ Не узнаёт отца»²⁹.

Отец ответил ему:

«Манну-утар,

Почему тот, у кого есть пища,

Ходит в слезах,

³⁰ А тот, кого бог его проклял,

Видит дневной свет?»³⁰

Его сын ответил ему:

«Путти, кто в медовый пирог³¹

Сырцовый кирпич кинул³²

---

²⁸ То есть, он мнит себя больше и важнее отца.

²⁹ Здесь я принимаю восстановление Штрека и Вассермана: *u ša šarrum ūštāqīru[šu] abam ú-u[l i-de]* [5, p. 222].

³⁰ Несомненно, здесь правы в своем чтении именно Штрек и Вассерман: *amīnīmīma rāši aka[lim] dimmatam isaḥḥur u ša ilšu izzurušu u₂-ra-am i³²-mur'* [5, p. 222].

³¹ Это не пудинг (как всюду в комментариях), а пирог-*mi/ersu*, который пекли в Мари на основе фиников, меда, масла и каких-то специй [6, p. 108–109].

³² Вполне справедлива указанная Штреком и Вассерманом аналогия из староассирийского текста о Саргоне (II. 13–14): *šabītam āmurma libittam ana nārim addīma* «I saw a gazelle and threw a brick into the river» [5, p. 223].

³⁵Или на сделанное добро
Злом ответил?
Путти, ты знаешь, что я
Не уважаю тебя (по) приказу бога.
От тела твоего, от силы твоей
⁴⁰Защитил мою плоть именно Шамаш»³³.
Отец ответил ему:
«Манну-утар,
Так! Царя ты не боишься,
Не чтишь бога,
⁴⁵Мои мольбы
Не упали на твое сердце!»
Его сын ответил ему:
«Так! Путти, давай! Выскажем
Свое дело
⁵⁰Перед доблестным Шамашем,
Тот из нас, кто согрешил,
Пусть понесет свое наказание»³⁴.
Отец ответил ему:
«Манну-утар,
⁵⁵(Хотя) тебе до сих пор не стыдно,
бог установил для людей покаянье,
И того, кто сказал: «Я виновен»,
бог простит».
Его сын ответил ему:
⁶⁰«Я с детства моего

Бросание кирпича в пирог или в реку — символ бессмысленного поступка. Того же мнения и [7, s. 522].

³³ То есть, бог справедливости Шамаш приказал Сыну не уважать Отца, чтобы защититься от его насилия. Он его не унижает, но не уважает.

³⁴ Сын предлагает Отцу тяжбу перед Шамашем, по сути вызывая его на суд. Этот пассаж неожиданно приравнивает наш Диалог к шумерским спорам вещей об их функциональной пригодности. Там герои тоже призывают на помощь третейского судью. Однако здесь непонятно, в чем суть спора. Кто более прав друг перед другом?

Тебе (ни в чем) не уступаю.
Поскольку ты с моего детства
Не хотел меня как сына,
Мое сердце (сейчас) на тебя злится»³⁵.

*Разбито до колонки VIII*³⁶

VIII

(Отец говорит сыну):

⁷«[Я] достигну смерти,
Обращусь в глину»³⁷.

Теперь, после (смерти) Нарам-Суэна, моего господина,

¹⁰Место покоя ищущу я,

Где ни сын, ни жена не будут

По мне плакать,

Где люди моего лица не увидят,

И мой товарищ не скажет:

¹⁵«Увы, мой брат, которому мы доверяли!»

Я умру внутри

Города Аккада, и в доме, куда войду я,

Не будет двери.

Поднимусь ли я, как Этана,

²⁰на небо Ану?

Спущусь ли в его Апсу?

Никто не узнает!

Разве я не доблестный воин, семя Героя?

Я войду в Страну Невозврата Эрешкигаль,

²⁵Покажу там мою доблесть,

Я покажу мою доблесть в Куре,

Среди уст

---

³⁵ Эта строка показывает, что Сын является Отцу родным по крови.

³⁶ Но в колонке VI есть строки 23²-25²: *Pu-ut-ti at-t[a ti-de?] ša a-bu i¹-za-ka[a-ru] ta-rit ú-qá-a[l-la-al]* «Путти, ты знаешь: тот, кто упоминает отца, унижает сына» [4, р. 46].

³⁷ То есть, «вернусь к своему первоначалу, превращусь в материал, из которого создан».

многочисленных народов³⁸,
Многочисленные народы
Будут хвалить мою доблесть:
³⁰«Пут-Иштар из-за своего сына
Взошел на Небо,
Спустился в Апсу,
Никто его (больше) не видел».
Я заставлю будущих
35³ Людей, (все) народы говорить:
«Пут-Иштар, мудрец Ватар-хасис,
потомок Уману, смешался с прахом преисподней!»
Ну, а того³⁹ после моей смерти
Пусть сторонятся люди,
⁴⁰К тому, кто так со мной обращался,
Пусть сын его отнесется так же.
Пусть он не построит счастливого дома,
Пусть не будет у него сына,
Но пусть (весь) род его вымрет!
⁴⁵Да проклянет его город Аккад,
Столица Страны!
Пусть проклятия [его] отца [преследуют его],
Пусть [люди] поносят
его драгоценную жизнь!

Разбито окончание колонки.

Основание призмы

[Пусть царь] его [. . . , пусть они] спровадят его из дворца!
Пусть [его город] Аккад (и) Эулмаш⁴⁰ проклянут [его,
чтобы] он не прошел мимо придворных, преграждающих ему путь
(обратно)!

---

³⁸ *i-na pi-i ni-ši di-ši-a-tim* букв. «среди уст народов кишаших/переполненных/многолюдных». Имеется в виду, что Подземный мир кишит мертвецами разного происхождения.

³⁹ То есть, сына.

⁴⁰ Эулмаш — храм богини Иштар в г. Аккаде.

Пусть [царица], которая делает слова добрыми, сделает его слова ничтожными, как слова [раба],

⁵Пусть она заставит евнуха и придворного восстать против него перед царем!

Пусть [Иштар], воительница среди богинь, устроит ему беспорядок и бунт в его доме,

Пусть [. . .] не пройдет мимо него, но пойдет на него,

Пусть он не испытает ничего хорошего [в] своем доме!

Пусть [Килили]⁴¹, госпожа, которая выглядывает из окон многолюдных народов,

¹⁰Предназначит ему [тревогу], бессонницу и беспокойство,

[Пусть она презирает] его, пусть его тело сжимается,

Пусть она [унесет] его защиту и лишит его мужской силы!

Пусть (богиня) Мама, родившая его, создательница его имени,

Откажется от него и донесет на него его царю,

¹⁵Пусть она отнимет у него мужскую силу и лишит его жизненной силы!

Среди своих братьев пусть Глупец его имя!

Пусть Аруру, владычица, создавшая человечество, ко злу его судьбу определит:

Пусть он построит дом, (но) не проведет новоселье,

Пусть он возьмет жену, но не будет воспитывать детей!

²⁰[Пусть . . . все] молодцы черноголовых — посетители (его) спальни!

Пусть он сам не сделает [. . .]

[Поскольку . . . он не был] доброжелателен, на отца своего злился, —

[По повелению] Шамаша, судьи неба и земли,

Пусть [его дело] не разрешится!⁴²

---

⁴¹ Килили — «богиня, глядящая из окна», одна из ипостасей Иштар, связанная с культовой проституцией [8, р. 164–165].

⁴² Формула проклятия, которая есть только в конце царских надписей и «Проклятия Аккаду» и нехарактерна для шумерских диалогов. И это интересно. Ведь Пут-Иштар это придворный Нарам-Суэна, а Нарам-Суэн и его город как раз проклинаются в шумерском тексте. Стало быть, Отец проклинает Сына, чтобы у придворного царя Аккада Шаркалишарри не было потомства и тем самым Аккад сделал бы еще один шаг

Текст диалога записан на глиняной призме, что указывает на его учебное происхождение. Скорее всего, он, как и прочие учебные тексты на цилиндрах, конусах и призмах, был предназначен для демонстрации коллективу учащихся, чтобы обеспечить его коллективное копирование. Обнаруженная копия на табличке свидетельствует о том, что такое копирование действительно производилось школьниками. Следовательно, необходимо уяснить дидактический характер текста. В нем изложены некие прописные истины, которые необходимо усвоить каждому учащемуся. Однако с точки зрения содержания текст мало похож на моральные прописи, поскольку в нем заостряется очень серьезный конфликт.

Стилистически текст состоит из двух хорошо различимых частей — диалога и формулы проклятия. В первых строках текста сразу идет пародия на начало шумерского поучения. В древнейшем «Поучении Шуруппака», первые копии которого дошли до нас с табличек XXV в. из Абу Салябиха, сказано: ab-ba din-gir-am₃ /inim\-ma-ni zid-da / na de₅ ab-ba-še₃ ġizzal he₂-em-ši-ia-ak «Отец — бог! Слово его истинно! К совету отца да склонится ухо!» (259–260) [9]⁴³. Автором этого поучения традиция считала

к вымиранию. То, что тяжба Отца и Сына не разрешится перед Шамашем, противоречит самой идее шумерского диалога, где победитель назначается третейским судьей.

⁴³ Переводчик шумерского текста «Премудрые советы» Н. В. Козлова так описывает отношение к родителям и к ссорам в известных шумерских поучениях: «В отцовском доме следовало почитать родителей, как богов (14', ср. ПШ 258–263): слова матери были столь же непререкаемы, как и указания божества. Вообще, мать часто сравнивается с богом — вероятно, с личным божеством, оберегающим и направляющим человека, а один раз в «Поучениях Шуруппака» — даже с богом Уту, богом истины и правосудия, дающим людям жизнь (ПШ 260). В свою очередь, старших братьев и сестер следовало почитать, как родителей (17–20', ср. ПШ 177–179). Начиная с семейных отношений, любовь и почтение к старшим провозглашались силой созидательной, а ненависть и раздувание споров — разрушительной (20–22', ср. ПШ 207–208) <...> Лучше всего было держаться от споров и спорящих подальше, не затевать ни с кем пререканий и не отвечать на оскорбления и насмешки других, чтобы, не дай бог, не разгорелась ссора (22', 30'–33', ср. ПШ 22–31, 40) [10, s. 414–415].

некоего Шуруппака, сыном которого был Зиусудра, впоследствии спасенный богами от потопа. В вавилонском диалоге перед нами пародийное переименование этого сюжета. Теперь в роли советчика выступает человек, называющий себя Атрахасисом — вавилонским мудрецом, спасенным от потопа. Жрец Пут-Иштар хочет дать Сыну совет и готов разразиться монологом, состоящим из поучений. Но сын не принимает его мудрость и аргументированно возражает ему. Он говорит, что главное это удача, везение (*ламассу*), а не мудрость, поскольку мудрость достигается самим человеком и память о мудреце преходяща, а удача исходит от бога. Можно сказать, что перед нами «анти-Шуруппак», то есть, попытка младшего не следовать советам старшего и даже опровергнуть сам отцовский статус мудреца. Оказывается, что Отец служил при только что умершем Нарам-Суэне, а при новом правителе Шаркалишарри он потерял милость. Сын же, напротив, укрепился при новом государе, и теперь предъявляет отцу счета за свое несчастливое детство. Он обвиняет Отца в том, что в детстве тот не любил его и не хотел признавать как сына. Отец отвечает, что есть сыновний долг. Сын не слушает его. Он заявляет: «*Путти*, тот, кто с человечеством, смертен, тот, кто с богом, живет вечно, а о сыне, который в отцовском доме был ущемлен, позаботится царь» (II 13–16). То есть, существуют два уровня заботы — отцовская и царская. И они соответствуют двум уровням отношений — с людьми и с богом. Отец взывает к его сыновнему долгу. Однако Сын отвечает, что когда боги устанавливали предопределения, то определили отцу любить сына, но не определили сыну любить своего отца⁴⁴. После увещаний Отец вступает в открытый конфликт с Сыном, призывая в свидетели Подземный мир. Он говорит Сыну, что скоро умрет, а его дети поступят с нечестивым отцом так же, как *Манну-утарриссу* поступил с ним самим. Текст

---

⁴⁴ В самом деле, мы не найдем в шумерских текстах заповедь любви детей к отцам. Дети должны только слушаться их и внимать их советам. Напротив, отношения людей и богов к матерям в литературных текстах всегда преисполнены любви.

заканчивается длинным проклятием Отца в адрес Сына, что роднит его с формулами проклятий в царских надписях. Еще одно нарушение канона в том, что Сын предлагает Отцу тяжбу перед лицом Шамаша как третейского судьи. Согласно канону шумерских прений, в конце диспута или тяжбы победитель назначается третейским судьей. Однако здесь Отец отвергает возможность тяжбы и в последней строке проклятия говорит, что дело сына никогда не разрешится для него благополучно.

Помимо того, что текст нарушает каноны поучения, прения, разговора писца с сыном, он, несомненно, примыкает к аккадским эпическим текстам, прославляющим подвиги Нарам-Суэна, и тем самым противостоит инвективам в адрес этого царя, известным из шумерского «Проклятия Аккаду». И совсем невероятно, что он дает нам новые сведения о судьбе царя Киша Этаны, который взлетел на Небо⁴⁵ на орле в поисках «травы родов» для своей жены. Долгое время мы не знали, долетел ли Этана до Неба⁴⁶ и достиг ли он своих целей. Фрагмент старовавилонского диалога недвусмысленно говорит о неудаче Этаны:

«Путти, ты знаешь,
что Этана в поисках ребенка

---

⁴⁵ В Царском списке сказано (64-67): E-ta/da-na sipa lu₂ an-še₃ ba-e₁₁-de₃ lu₂ kur-kur mu-un-gi-na Iugal-am₃ «Этана, пастух, тот, кто вознёсся на Небо, тот, кто объединил все страны, стал царём (и царствовал 1560 лет)...» [11]. Само имя Этана значит «тот, кто взошел на Небо» (< ed-an-na).

⁴⁶ В новейшем издании эпоса впервые восстановлены несколько ранее неизвестных строк. Текст заканчивается так: «Обними меня руками, Положи руки на мои крылья»... Он прижал руки к бокам, Он уперся руками в его крылья. Когда он поднял его на одну меру, орел сказал ему, Этане: «Смотри, мой друг, какая сейчас земля! Обозри море, берега его осмотри!» — «Земля стала горой. Море превратилось в загон». Когда он поднял его на вторую меру: «Смотри, мой друг, какая сейчас земля!» — «Земля превратилась в садовый участок». Когда он поднял его на третью меру: «Смотри, мой друг, какая сейчас земля!» — «Море превратилось в арык садовника». Когда поднялись на небо Ану, ворота Ану, Эллия и Энки они миновали. Орел и Этана оказали им почтенье. В воротах Сина [...] оказали им почтенье» [12, р. 22]. Следовательно, Этана долетел до Неба и оказался в воротах лунного бога Сина.

Бродил по нагорьям,
Как птица, к Собранию богов
Он вознесся на [Небо].
Человеческий удел они ему определили.
Боги к нему не приближались,
Ребенка ему не даровали
Среди судеб»
(II. 43–51)

Взлетев на Небо и представ перед Собранием богов, Этана не получил от них желанную «траву родов» и не обрел родного сына. Намек Отца на потомство его Сына как глиняный черепок, подобранный на улице и не имеющий бога-защитника, говорит о приемыше. Возможно, Балих, упомянутый в Царском списке как сын Этаны⁴⁷, был не родным, а приемным сыном кишского царя. Если наша интерпретация фрагмента верна, то история Этаны попадает в число историй о неудачах героев обрести желаемое через растения. Адапа лишился бессмертия, отказавшись отвесть воду жизни и растение жизни, и Гильгамеш также лишился бессмертия, утратив омолаживающий цветок. Теперь к этой истории можно присоединить и историю Этаны, поднявшегося в Небо, благополучно вернувшегося, но не получившего в результате своего визита законного наследника.

Вторая часть текста — отцовское проклятие — написана в возвышенном духе, но не отличается большим разнообразием и содержит все те же угрозы, которые встречаются в конце царских надписей Старовавилонского периода. Неблагодарному сыну отец сулит немилость богов, изгнание из города, импотенцию, отсутствие наследника, непокорность нижестоящих и оскорбления людей, которые сочтут его глупцом.

---

⁴⁷ ba-li-ih /dumu e-ta-na-ke₄ / mu 400 i₃-ak «Балих, сын Этаны, правил 400 лет» [11, стрк. 68–70].

Этическая мысль нашего текста содержит категорический императив сыновства. В шумерских текстах не сыщется примеров, когда бы сын прекословил отцу. Отец всегда выступает по отношению к нему как советчик и экзаменатор его знаний. Сын покорно внимает его словам и не отвечает даже на брань. Но в Старовавилонский период эта позиция отца уже берется под сомнение. И наш текст составлен для того, чтобы, несмотря на происходящие в обществе размолвки детей с отцами, закрепить сыновнюю любовь и заботу как норму. Несмотря на нелюбовь отца к сыну в детстве, сын все равно должен проявлять внимание и заботу о своем отце в зрелые годы, уважать и почитать отца больше, чем жену и детей. Ведь отец должен быть для него подобен богу. Если же сын будет предъявлять отцу претензии и на этом основании решит с ним соперничать, то отец после смерти воззовет к силам Подземного мира и обречет род своего сына на полное вымирание. Перед лицом такой угрозы всякий должен бы смириться. Даже если сын временно пребывает под сенью царя-покровителя, он должен помнить о смертности царя и о вечном авторитете отца. Однако здесь удивительна самоубийственность отцовской угрозы. Пут-Иштар, столкнувшись с сыновним неуважением, готов даже идти на уничтожение собственного рода, лишь бы усмирить своего строптивого потомка. В его характере и словах не видно той мудрости, которая связана с должностью царского советника-абгаля. Гнев берет верх над разумом⁴⁸. Сын же, напротив, весьма умудрен, и даже задает отцу неожиданный вопрос: почему нет божественного предопределения на любовь сына к отцу? И должен ли сын заботиться об отце, если отец в свое время не желал считать его сыном? Старовавилонский диалог составлен в мире, где еще нет Моисеевой заповеди о почитании отца и матери для продления

---

⁴⁸ Впрочем, возможно и иное объяснение отцовского отчаянного радикализма. Если в семье нарушается божественный порядок, то лучше бы вовсе не было такой семьи. Потому что с нарушением сыновней почтительности становится невозможна и моральная преемственность в отношениях родителей и детей.

дней человека на земле. Ей только предстояло появиться. Для того времени в порядке вещей были только родительская забота и сыновнее послушание.

Литература

1. Haubold, J. (2013), *Greece and Mesopotamia: Dialogues in Literature*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Jiménez, E., Mittermayer, K. (eds.) (2020), *Disputation Literature in the Near East and Beyond*. Berlin, Boston: De Gruyter.
3. Streck, M. P., Wasserman, N. (2014), Mankind's Bitter Fate. The Wisdom Dialogue BM 79111+, *Journal of Cuneiform Studies*, no. 66, p. 39–47.
4. Foster, B., George, A. (2020), An Old Babylonian Dialogue between a Father and His Son, *Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie*, vol. 110, № 1, p. 37–61.
5. Streck, M.P., Wasserman, N. (2023), Duplication in Early Akkadian Literature. The Duplicates of the Papulegara Hymns, Ištar Louvre, and the Dialogue Between Father and Son, *Orientalia*, no. 92/2, p. 202–229.
6. *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*, volume M 2 (1977), Chicago, Illinois.
7. Архипов И. С., Успенский А. Ф. (2024), Староассирийская легенда о Саргоне, *Вестник древней истории*, no. 2, s. 502–536.
8. Frayne, D., Stuckey, J. H. (2021) *A handbook of gods and goddesses of the ancient Near East : three thousand deities of Anatolia, Syria, Israel, Sumer, Babylonia, Assyria, and Elam*. University Park, Pennsylvania : Eisenbrauns.
9. The instructions of Šuruppak (URL: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.5.6.1>)
10. Козлова Н. В. (1995), “Премудрые советы” (шумерское поучительное произведение), *Петербургское востоковедение*, вып. 7, с. 412–434.
11. The Sumerian king list (URL: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.2.1.1>)
12. Novotny, J. R. (2001), *The Standard Babylonian Etana Epic*, Helsinki.

References

1. Haubold, J. (2013), *Greece and Mesopotamia: Dialogues in Literature*. Cambridge: Cambridge University Press.

2. Jiménez, E., Mittermayer, K. (eds.) (2020), Disputation Literature in the Near East and Beyond. Berlin, Boston: De Gruyter.
3. Streck, M. P., Wasserman, N. (2014), Mankind's Bitter Fate. The Wisdom Dialogue BM 79111+, *Journal of Cuneiform Studies*, no. 66, p. 39–47.
4. Foster, B., George, A. (2020), An Old Babylonian Dialogue between a Father and His Son, *Zeitschrift für Assyriologie und vorderasiatische Archäologie*, vol. 110, № 1, p. 37–61.
5. Streck, M.P., Wasserman, N. (2023), Duplication in Early Akkadian Literature. The Duplicates of the Papulegara Hymns, Ištar Louvre, and the Dialogue Between Father and Son, *Orientalia*, no. 92/2, p. 202–229.
6. *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*, volume M 2 (1977), Chicago, Illinois.
7. Arhipov I. S., Uspenskij A. F. (2024), The Old Assyrian Legend of Sargon, *Vestnik drevnej istorii*, no. 2, s. 502–536.
8. Frayne, D., Stuckey, J. H. (2021) A handbook of gods and goddesses of the ancient Near East : three thousand deities of Anatolia, Syria, Israel, Sumer, Babylonia, Assyria, and Elam. University Park, Pennsylvania : Eisenbrauns.
9. The instructions of Šuruppag (URL: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.5.6.1>)
10. Koslova, N.V. (1995), Counsels of Wisdom (Sumerian Instruction Text), *Peterburgskoje Vostokovedenije*, issue 7, s. 412–434.
11. The Sumerian king list (URL: <https://etcsl.orinst.ox.ac.uk/cgi-bin/etcsl.cgi?text=c.2.1.1>)
12. Novotny, J. R. (2001), The Standard Babylonian Etana Epic, Helsinki.

Автор / Author

Емельянов Владимир Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры семитологии и гебраистики Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Emelianov Vladimir — Dr. Sci. in Philosophy, Professor at the Department of Hebrew Studies and Semitology, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University.

E-mail: banshur69@gmail.com